

Пройдя через долгие мытарства, они наконец добрались до столицы перед самым Новым годом.

Кто бы мог подумать, что едва они минуют городские ворота, как их уже будет поджидать незваный гость.

— Славлю Князя Юнь, — голос пришедшего был не громким и не тихим — как раз такой, чтобы Цзин Юнь мог расслышать.

Легкое мычание сошло за ответ, сам же Цзин Юнь вовсе не собирался вести долгие беседы.

— Из-за приближения праздника резиденция Вашего Высочества еще не до конца обустроена. Император опасается, как бы вы не испытали каких-либо неудобств, и приказал мне ожидать здесь. Император уже давно ждет вас во дворце.

Хм, да разве он хочет чего-то другого, кроме как заточить его во дворец? Убийство — дело одного мгновения, к чему вся эта напускная конспирация и закулисные интриги? Если «ему» не надоело, то он-то уже устал.

— Ничего страшного, веда, — мысленно изрыгая проклятия, вслух он говорил ровно и спокойно, не позволяя заметить и намека на истинные чувства.

Пришедший замер на секунду, никак не ожидая, что Князь Юнь согласится так легко. Побродив вокруг да около в нерешительности, он высказал еще одно требование:

— Ваше Высочество, дворец — не дом простолюдина. То, что вы привезли с собой столько... боюсь, это неуместно...

Неуместно? Хм, как ни защищайся, от всего не убережешься, так к чему эти старания? Ладно, раз «он» хочет поиграть, он подыграет ему до самого конца!

— Все они — члены моей семьи, что здесь неуместно? Или члены моего рода и впрямь не ценятся выше обычных простолюдинов?! — голос Цзин Юня стал суровым, отчего гость испуганно задрожал и, запинаясь, ответил:

— Это... не соблаговолит ли Ваше Высочество сперва войти во дворец? Что до ваших близких, я испрошу соизволения Императора и непременно все устрою как надо, клянусь, никто из них не обидится и на йоту.

Похоже, тот твердо вознамерился не позволить ему взять людей с собой.

— Что ж, тогда я оставляю их на твое попечение. Смотри же, если с ними что-то случится,

пеняй на свою голову!

Посланник принялся наперебой давать заверения, тайком утирая холодный пот. Два года назад Князь Юнь был легок и безмятежен, холоден как лед, но со всеми держался крайне вежливо. С чего бы сегодня он изменился до неузнаваемости? Ледяной холод никуда не делся, лишь стал еще более пронзительным. Неужели даже его сердце окаменело?

Цзин Юнь отдал кое-какие распоряжения Аню и Яню, успокоил Юй Ху и лишь после этого ступил на приготовленный во дворце паланкин, отправляясь за сопровождающими.

— Разве старший молодой господин, отправляясь туда, не подвергает себя опасности? — не удержался от тревоги Ань.

Янь помрачнел, бросил взгляд на Аня и Юй Ху, покачал головой и молча вернулся в карету.

Возвращаясь сюда два года назад, он чувствовал, что императорский дворец ничуть не изменился; то же повторилось и теперь, два года спустя, разве что воздух в покоях стал еще морознее — так, что аж пробирало до костей.

— Ваше Высочество, сюда, пожалуйста, Император уже ждет во Дворце Юньсяо.

Дворец Юньсяо? И какую же штуку он удумал на этот раз?

— Просто веди, куда велено. Вода придет — землю зароем, другого пути нет. Пока у него в руках сосредоточена армия, он не станет действовать против него сгоряча. Раз так, чего бояться? К тому же, в его распоряжении все еще имелась тайная сеть влияния, сломить которую было не так-то просто.

Войдя в залу, евнух провел его прямиком во внутренние покои.

Цзин Яо лежал на кровати, прикрыв глаза в попытке передохнуть; рядом стоял скромный деревянный стол, заваленный огромными кипами свитков с докладами.

Хм, неужели государственные дела и вправду отнимают столько сил? Раз даже до Дворца Юньсяо добрались.

Пусть в душе кипело негодование и на Цзин Яо было заготовлено немало упреков, стоило ему заметить ввалившиеся щеки императора и темные круги под глазами, как в груди невесть откуда зародилась едкая боль, подкатившая прямо к горлу и едва не заставившая его глаза покраснеть.

— Император, Император... — евнух осторожно позвал: — Князь Юнь прибыл.

Цзин Яо медленно приоткрыл глаза, затуманенным взглядом обвел комнату и, столкнувшись с до боли знакомым силуэтом, на мгновение замер. Спустя секунду его взгляд прояснился, а в глубинах глаз вспыхнул радостный свет.

— Юнь-эр, ты вернулся~ — его голос сам собой взлетел на высоких нотах, явно выдавая переполнявшую его радость.

— Ваше Высочество, вы изволите насмехаться над этим младшим братом.

Цзин Яо опешил, и блеск в его глазах тут же померк. Тот по-прежнему не желал общаться с ним — даже по прошествии стольких долгих двух лет ничегошеньки не изменилось.

Все эти два года, стараясь заглушить тоску по нему, он без конца погружался в государственные дела, бесконечно твердя себе: потерпи еще два года, продержись эти два года, и он вернется, вернется к нему. Неужели и это — лишь несбыточная мечта? Он так жаждал, чтобы тот понял его чувства, но неужели и впрямь прав Евнух Яо, утверждавший, что этот человек начисто лишен чувств и не способен любить?! Он знал, прекрасно знал: если он не объяснится с ним до конца, тот будет ненавидеть его вечно. Но что толку в объяснениях? Сказать ему, что его мать-наложница погибла по его косвенной вине?!

Нельзя, он не мог позволить Юнь-эру возненавидеть его еще сильнее, поэтому решил переносить все в одиночку — разве и в этом он был неправ? Он хотел привязать его военной властью, чтобы тот не смел и шагу ступить прочь, неужели все было напрасно?

Быть может, он и впрямь во всем ошибся: при таком характере, как у него, удержать силой почти невозможно.

Разумом постигающий все на свете, да только обделенный сердцем; рожденный бесчувственным, да затерявший собственное сердце. Как же быть теперь...

Раз уж дошло до такого, оставалось лишь продолжать идти дальше.

Прижав руку к груди, он подавил рвущийся наружу кашель, с трудом приподнялся и сел, зажмурившись, чтобы скрыть странный блеск в глазах. Слегка переведя дыхание, он заговорил:

— Как устроился в Пограничном городе? Я помню, твое здоровье никогда не было крепким. Там лютые морозы, ты...

— Благодарю Императора за заботу, этот младший брат чувствует себя превосходно.

— Вот и славно, раз так... — на этом слова иссякли, воцарилось молчание, и обоим больше нечего было сказать друг другу.

Словно целая вечность минула, прежде чем Цзин Яо велел евнуху распахнуть окно. За стеклом расстился толстый слой белоснежного пушистого снега.

— Я помню, ты, братец, всегда любил снег. Какое совпадение, стоило тебе вернуться, как пошел снег.

Цзин Яо бросил взгляд на улицу и презрительно усмехнулся, переводя взгляд обратно в комнату:

— Ваше Высочество ошибается. С чего бы этому младшему брату питать слабость к подобной грязи.

Грязь? Цзин Яо вздрогнул, не в силах прийти в себя. Он помнил, как в прошлый раз у горячих источников Цзин Юнь наотрез отказался надевать белые одежды — неужели он дошел до того, что возненавидел все, что связано с белым цветом? Он и представить не мог, что тот настолько сильно ненавидит его, что готов разорвать любые связывающие их нити...

Дыхание Цзин Яо застряло в груди, во рту отчетливо запахло кровью, готовый хлынуть наружу, но он задавил этот позыв насмерть.

— Неужели такую прекрасную вещь... Юнь-эр, неужели ты и впрямь разлюбил ее...

Значит ли это, что облаченный во все белое он больше никогда не дождетя его нежности? Тот самый крошечный силуэт, что вечно следовал за ним по пятам в детстве, окончательно исчез вдали, ступив на собственную дорогу?..

Цзин Юнь ничего не ответил, равнодушно отвернувшись, так что не заметил, как во взгляде Цзин Яо застыла глубокая любовь, смешанная с невыносимой болью и переполненная слезами.

— Поздна уже... Отдыхай, братец.

Он взмахнул рукой — у него больше не осталось сил смотреть, как тот удаляется. И без того простуженный организм ослаб окончательно, и если бы не опора о подоконник, он бы наверняка рухнул прямо на пол.

Погруженный в собственные мысли, Цзин Юнь по-прежнему не улавливал боли в его голосе и, развернувшись, без малейшего сожаления зашагал прочь, словно спасаясь бегством от ядовитой змеи или дикого зверя.

Ушел... Вот так просто ушел...

Ноги больше не держали, и Цзин Яо, лишившись последних сил, рухнул на пол.

— Император! — Евнух Яо бросился к нему, пытаясь поднять.

— Прочь! Все вон! Пошли вон...

Юнь-эр удалялся от него все дальше и дальше, исчезая из виду, его больше не было видно...

Как было бы прекрасно ослепнуть — тогда он не видел бы, как уходит Юнь-эр. Как было бы прекрасно оглохнуть — тогда он не слышал бы жестоких слов Юнь-эра. Быть может, умри он, Юнь-эр обрадовался бы еще больше? Но ему так жаль расставаться с ним, ему так жаль его Юнь-эра, Юнь-эр...

Евнух Яо смотрел на убитого горем Императора, совершенно не зная, как поступить. Видеть друг друга — сплошная боль, а не видеться — еще больнее.

Если раньше он еще затаил на него обиду, то, глядя, как безумно и мучительно тот любит Его Высочество, вся эта боль должна была рассеяться.

Пожалуй, ему стоило сделать что-то ради него...

<http://bllate.org/book/21156/2144400>